

ЖЕЛѢЗО И ВОЛЯ

ОРГАНЪ ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИСТОВЪ г. ХАРЬКОВА

№ 7.

16-го (3) сентября 1917 г.

Цѣна 15к.

Желѣзомъ и кровью. М. Чекересъ.—О революціи. Поплавокъ.—Некрологъ. Н. К. и М. Ч.—Изъ письма американскихъ анархистовъ.—Мимоходомъ. Е. Г.—Рыцарь печальнаго образа. Рабочій Абрамъ.—Разбойное нападеніе на дачу Сабурова. Г-нъ.—Извѣщеніе В. О. Б.

Адресъ Харьковской Федерациі Анархистовъ и книгоиздательства „Вольное Братство“:

Садово-Куликовская, д. № 25, для телеграммъ: Харьковъ—Братство.

Раіонныя Бюро Федерациі находятся:

- 1) Петинская ул., № 73 въ домѣ Рабочихъ, пріемъ по средамъ отъ 6—9 веч. и по воскресеніямъ отъ 11—3 дня.
- 2) Кузнечная, № 2, О-во „Объединеніе“, пріемъ ежедневно отъ 10—3 ч. дня.

Адресъ редакціи: Садово-Куликовская, 25.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 10 до 12 и отъ 5 до 8 ч. в.

Редакція проситъ пересылать денежные переводы по адресу: Харьковъ, Садово-Куликовская, 25. Федерациія Анархистовъ.

Желѣзомъ и кровью.

У синяго моря урядникъ стоитъ.
А синее море, волнуясь, шумитъ.
И злоба урядника гложетъ,
Что шума унять онъ не можетъ.

Шумѣло, шумитъ и будетъ шумѣть непокорное синее море. Не уняли его бичи древне-персидскаго весильнаго Ксеркса, не уняли его и нагайкамы російскихъ урядниковъ. И чѣмъ тяжелѣе, мрачнѣе и грознѣе нависаютъ тучи надъ необъятнымъ просторомъ вольнолюбиваго моря, тѣмъ мятежнѣе становится его ропотъ, тѣмъ сильнѣе клопочетъ оно, тѣмъ ближе мощный девятый валъ, предъ натискомъ котораго не устоятъ никакія преграды.

Въ бѣлокаменной Москвѣ, въ центрѣ объятаго революціей страны, собрались отечественные урядники и думали тяжкую думу о томъ, какъ унять шумъ бурнаго синяго моря. Великое государственное совѣщаніе,—это чудище обло, озорно, стозѣвно и лайя,—три дня и три ночи предавало проклятью революціонный русскій народъ, посылало анафему непокорнымъ сынамъ Россіи и торжественно клялось задавить желѣзомъ и кровью всякую попытку неповиновенія власти.

Мы не ожидали отъ государственнаго совѣщанія плодотворной творческой работы. Ибо что доброе можетъ быть изъ Назарета? Мы прекрасно знаемъ, что единственно самодѣятельность трудящихся массъ, единственно народное творчество повсемѣстная незамѣтная работа во всѣхъ уголкахъ страны, безъ эффектныхъ рѣчей и звучно-красивыхъ пустыхъ словъ, что самъ народъ—строитель грядущей новой вольной жизни. Мы прекрасно знаемъ, что сорвать свои рабскія цѣпи и зажечь новое солнце освобождающіеся рабы могутъ только своими собственными руками, не довѣряя строительства нарождающагося общества никому другому, не предоставляя никому другому позаботиться о величественномъ, чарующе-прекрасномъ превращеніи униженныхъ и оскорбленныхъ въ свободныхъ членовъ мірового союза равенства и братства. Не государственному совѣщанію, во всякой попыткѣ къ срыванію узъ вѣкового насилія усматривающему злостное дѣло таинственной руки, сѣющей въ изобилии германскія марки, не проповѣдникамъ крѣпко-незыблемой власти на фундаментѣ изъ крови и желѣза,—не имъ ковать ключи счастья и радости на землѣ, уставшей отъ слезъ, захлебывающейся въ потокахъ крови.

Власть бессильна организовать тотъ торжественный пиръ, на который будутъ всѣ званы, но гдѣ не будетъ избранныхъ. Но власть также бессильна захлопнуть и забить желѣзными гвоздями

тяжелую крышку тяжелого гроба, въ который она такъ безуспѣшно старается уложить долготнїя надежды, лучшія чаянїя, начавшія осуществляться дивныя грезы страждущихъ о великомъ днѣ перерожденїя міра. И чѣмъ упорнѣе и настойчивѣе роется всероссійская могила, въ которой вольная воля и свѣтлая доля народа должны найти свое послѣднее пристанище,—тѣмъ ближе тотъ день, въ который—по пословицѣ—роющій яму другому самъ въ ней и окажется. Ибо спадаетъ пелена съ глазъ, ибо яснѣе и разумнѣе взглядъ, ибо замѣчаются хищные зубы у одѣтаго въ овечью шкуру кровожаднаго волка. Падаютъ маска съ лица дурныхъ пастырей, выдающихъ себя за заботливыхъ, любвеобильныхъ нянюшекъ.

На московскомъ совѣщанїи вершители судебъ россійской державы всенародно раскрыли свои карты и всѣ, желающіе видѣть, увидѣли, что самыя главные козыри ихъ—фальшивы. Всякій зрячїй, не утратившїй способности различать свѣтъ и мракъ, увидѣлъ государственныхъ мужей, старающихся громкими словами о благѣ свободнаго народа загасить зловѣщее пламя революціи. Всѣ участники совѣщанїя слились въ единомъ возвышенномъ желанїи: да прекратится революція! Всѣ, до одинаго, безъ всякаго исключенїя.

И опьяненный самодержавною властью главноуправляющій глава державы россійской, мечущій грома и молнїи, тщетно ищущїй какихъ-то нечеловѣческихъ словъ, способныхъ смягчить сердце ягненка и заставить его добровольно влѣзть въ раскрытую пасть голоднаго хищника; основывающій свою верховную власть то на довѣрїи къ разуму и совѣсти народа, то на репрессїяхъ, которыя напоминаютъ намъ (и уже напомнили) старину самодержавїя царскаго; видящїй всюду призракъ Искарїота съ 30-ю сребренниками въ карманахъ хламиды; предвидящїй всеобщее недовольство вслѣдствїе всеобщаго неудовлетворенїя, но твердо идущїй желѣзными и рѣшительными шагами въ царство прошлаго, въ царство желѣза и крови,—до новаго взрыва гнѣва народнаго.

И совершившїй великую русскую революцію предсѣдатель столыпинской третье-їюньской Думы, обуюанный гордынею, мнящїй себя подлиннымъ, не фальсифицированнымъ избранникомъ народа, клеветующїй на русскую революцію, свершившуюся яко-бы исключительно во имя успѣшной побѣдоносной войны съ германскимъ милитаризмомъ; тоскующїй о сильной власти, призывающїй правительство къ походу на рабочихъ, солдатъ и крестьянъ, безсмысленно возмечтавшихъ о себѣ и пожелавшихъ изъ безгласныхъ божьихъ скотинокъ превратиться въ свободныхъ людей.

И упорно мечтающїй о берегахъ Босфора хитроумный вождь либерализма, написавшїй на своемъ знамени „народная свобода“ и потому считающїй, всѣ завоеванїя революціи—своими завоеванїями скромно умалчивающїй о своемъ заявленїи накануне революціи: „лучше пораженїе, чѣмъ революція“; натравливающїй властныхъ патріотовъ на властныхъ интернаціоналистовъ; кричащїй объ укрѣпленїи арміи для защиты буржуазїи... отъ русскихъ министровъ.

И призывающіе работать во имя буржуазной революціи соціалистическіе вожди русской демократїи; зовущіе къ революціи, но требующіе возстановленїя порядка, всегда умерщвляющаго революцію; зовущіе къ самодержавїю демократїи, но умалчивающіе о томъ, что монархъ въ лицѣ его величества короля—жалокъ въ сравненїи съ новымъ монархомъ, самодержавнымъ народомъ, власть котораго въ тысячу разъ суровѣе и строже.

И въ трогательномъ союзѣ объединившіеся основатель Группы Освобожденїя Труда и представитель Торгово-Промышленной Группы порабощенїя труда; основатель россійской едино-недѣлимой революціонной соціалдемократїи и ужасающїйся возможности эксплуатаціи русскаго рабочаго не отечественнымъ капиталистомъ лидеръ всемогущихъ финансистовъ, оба взывающіе къ примиренїю непримиримыхъ, къ сотрудничеству обкрадываемыхъ и крадущихъ, къ постепенно-мирнымъ соціальнымъ реформамъ, къ развитїю и процвѣтанїю родной промышленности.

И даже наложившїй печать молчанїя на уста свои мужицкїй министръ, съ видомъ загадочнаго сфинкса укоризненно временами покачивающїй своей головой.

Звучатъ пышныя слова на государственномъ совѣщанїи... А тамъ, за стѣнами, идетъ упорная работа. А тамъ, на необъятномъ просторѣ великой страны нашей расправляетъ свою спину богатырь всероссійскїй, становится на крѣпкія ноги могучїй Илья Муромецъ, сиднемъ сидѣвшїй не одну сотню лѣтъ. А тамъ, въ городахъ и селахъ, встаетъ измученный народъ, вздуваетъ горнъ революціи, подымаетъ свой тяжкїй молотъ и куетъ себѣ ключи счастья.

И тѣмъ, кто истерически восклицаетъ: „будь проклятъ всякїй, кто стоитъ теперь за прекращенїе войны!“—народъ отвѣчаетъ: „трижды проклятъ тотъ, кто стоитъ за продолженїе чудовищной бойни!“. Тѣмъ, кто въ безумномъ ослѣпленїи грозитъ задавить гнѣвъ народный желѣзомъ и кровью, народъ противопоставитъ неизмѣримо болѣе мощное оружіе—горе и нищету, ненависть къ рабству, могучїй порывъ къ свободѣ и счастью. Тѣмъ, кто осмѣливается ему сказать: „Руки прочь!“—народъ

крикнетъ: „Прочь съ пути нашего, злыя, темныя силы! Шире дорогу! Народъ идетъ“!..

М. Чекересь.

О революціи.

Что значить „гасить революцію“?

Гасить революцію, это значить не понимать, что какъ полное разрушеніе *старыхъ*, такъ и — въ особенности, — созиданіе и укрѣпленіе *новыхъ* формъ жизни — должно быть живымъ, самостоятельнымъ и свободнымъ дѣломъ массовыхъ трудовыхъ организацій на *мѣстахъ*.

Гасить революцію, это значить воображать, что новыя формы жизни должны вырабатываться и твориться центральнымъ представительнымъ учрежденіемъ.

Гасить революцію, это значить сдерживать народныя массы въ ихъ естественномъ стремленіи къ самостоятельному творчеству новой жизни...

Гасить революцію, это значить „успокаивать“ крестьянъ и рабочихъ, противодѣйствуя ихъ порыву къ непосредственному дѣйствию на мѣстахъ и убѣждая ихъ въ томъ, что они должны „благо-разумно“ вести себя; не распорядиться „самовольно“; выбрать спокойно и послушно представителей въ центральное учрежденіе и глубокомысленно ждать, пока эти представители обсудятъ ихъ судьбу и выработаютъ для нихъ и за нихъ прекрасныя законы, которымъ надо будетъ повиноваться, дабы на землѣ воцарилось довольство...

Что значить „творить революцію“?

Творить революцію, это значить понять, что всякую, начатую народомъ революцію необходимо расширять и углублять въ томъ смыслѣ, чтобы довести ее до конца, т. е. до полного уничтоженія власти и частной собственности.

Творить революцію, это значить всѣмъ существомъ почувствовать, что полное раскрѣпощеніе трудящихся и полный переходъ въ ихъ собственныя руки всего необходимаго для разумнаго труда и здоровой жизни — есть единственно-важная, единственно-цѣнная, единственно-интересная задача революціи.

Творить революцію, это значить отдать всѣ свои способности и силы, а если надо, то и самую жизнь — на борьбу за эту великую задачу.

Творить революцію, это значить беззавѣтно посвятить себя этой задачѣ *всюду на мѣстахъ*, не поручая разрѣшеніе ея никакимъ „представителямъ“ и не ожидая никакихъ предписаній свыше.

(Поплавокъ).

Некрологъ.

Съ чувствомъ глубокой скорби мы узнали о политической смерти анархиста Петра Алексѣевича Кропоткина.

Въ лицѣ его анархизмъ потерялъ одного изъ самыхъ горячихъ своихъ приверженцевъ. Обладая мощнымъ и свѣтлымъ умомъ, крупнымъ талантомъ и громаднымъ запасомъ энергіи, П. А. Кропоткинъ и словомъ и дѣломъ сдѣлалъ многое для развитія, оформленія и распространенія анархо-коммунистической идеи. Въ безсмертныхъ трудахъ своихъ онъ доказалъ, что взаимопомощь — законъ природы и главный факторъ эволюціи человѣческаго общества, факторъ безконечно болѣе важный, чѣмъ взаимная борьба. На цѣломъ рядѣ блестящихъ страницъ онъ подвергъ уничтожающей критикѣ современное капиталистическое общество со всѣми его антиобщественными институтами, указалъ пути, ведущіе въ царство всемірной гармоніи и полной свободы, и ясно сформулировалъ тѣ принципы, которые лягутъ въ основу будущаго уклада человѣческой жизни. Глубокимъ анализомъ общественныхъ движеній онъ показалъ, что какъ въ періоды мирной жизни, такъ и въ эпохи революцій народныя массы инстинктивно стремились къ безвластно-коммунистической организаціи человѣческихъ общежитій. Онъ звалъ народы къ борьбѣ. И слово у него не расходилось съ дѣломъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать русскія и французскія тюрьмы.

Казалось, что начавшаяся ломка социальнихъ отношеній въ Россіи дастъ П. А. Кропоткину возможность принять въ ней активное участіе и приложить свои силы къ дѣлу обновленія человѣчества. Но острый кризисъ долго тянувшейся болѣзни свелъ П. А. Кропоткина въ преждевременную безславную могилу.

Болѣзнь его началась давно, но объ этомъ знали только близкіе къ нему люди. Только послѣ того, какъ разразилась война, мы узнали — изъ устъ самого П. А. Кропоткина, — что онъ совѣтывалъ своимъ французскимъ друзьямъ не бороться съ закономъ объ увеличеніи срока солдатской службы съ двухъ до трехъ лѣтъ. Микробы шовинизма и идеи классоваго сотрудничества отравили его мозгъ и душу и привели его къ тому, что когда уже вспыхнулъ міровой пожаръ, то вмѣсто тушенія его онъ рекомендовалъ подливать масло въ огонь, провозглашая лозунгъ: „отливайте пушки и везите ихъ на позиціи!“ Онъ не могъ уже проявить того здороваго отношенія къ войнѣ, которое было у него во времена русско-японскаго конфликта, когда онъ писалъ: „Всякая война есть зло, кончается ли она

побѣдой или поражениемъ, зло для воюющихъ сторонъ, зло для нейтральныхъ. Я не вѣрю въ „благодѣтельные“ войны. Не крымское поражение дало Россіи реформы и уничтоженіе крѣпостного права, не оно также уничтожило рабство въ Соединенныхъ Штатахъ, дало независимость Италіи и радикальное и національное движеніе по всей Европѣ. Современная Россія *façà da se*, не ожидая свободы отъ иностранцевъ...“ „Можетъ ли торжество самыхъ низменныхъ инстинктовъ современнаго капитализма содѣйствовать торжеству прогресса?..“

Чѣмъ больше расширялась война, чѣмъ яснѣ становились цѣли хищныхъ ея вдохновителей и руководителей, тѣмъ сильнѣ прогрессировала болѣзнь. Тщетно мы ждали отъ Кропоткина слова порицанія своей дочери, выступившей въ печати противъ лучшихъ стремленій міра, стремленій къ равенству, братству, свободѣ и счастью народовъ. вмѣсто этого появился „манифестъ шестнадцати“, подъ которымъ была и подпись Кропоткина, манифестъ, пропитанный явнымъ пристрастіемъ къ группѣ державъ Четвернаго Соглашенія, вызвавшей „Отвѣтъ“ Женевской группы анархистовъ, назвавшей его „позорнымъ манифестомъ“.

Вспыхнула русская революція. Кропоткинъ ѣдетъ въ Россію, гдѣ пролетаріатъ и крестьянство развертывали во всю мощь свои революціонно-творческія силы. Была надежда на выздоровленіе. Но Кропоткинъ выступаетъ на митингѣ инвалидовъ, совмѣстно съ Гучковымъ, Родзянко, Милуковымъ, Плехановымъ, Керенскимъ... и произноситъ рѣчь полную ужасныхъ призывовъ къ братоубійству недостойную не только анархиста, но и просто честно-мыслящаго либерала.

Тяжело было намъ присутствовать при этой мучительной агоніи. Но еще тяжелѣе было слышать его голосъ на московскомъ совѣщаніи, гдѣ П. А. Кропоткинъ, какъ анархистъ, умеръ для насъ окончательно. Онъ отказался отъ своихъ словъ, сказанныхъ имъ не такъ давно: „Революціи имѣютъ громадное значеніе въ жизни общества, *потому что онѣ даютъ возможность заняться органическою созидательной работой*, безъ вмѣшательства въ ихъ дѣло стѣснительной власти, всегда неизбежно являющейся представительницей прошлыхъ вѣковъ и прошлаго гнета“. Посвятившій всю свою жизнь борьбѣ съ государствомъ, Кропоткинъ принялъ участіе въ государственномъ дѣлѣ. Онъ старался лишить трудящихся ихъ права на самоосвобожденіе и, забывая о шествующей социальной революціи, убѣждалъ совѣщаніе въ томъ, что и послѣ революціи будутъ побѣдители и побѣжденные, будутъ взимающіе и платящіе контрибуціи. Указывавшій всегда на гибельно-разрушительную работу власти, онъ защищалъ демократически-рес-

публиканскій строй съ крѣпкимъ правительствомъ, которое явно и тайно распоряжалось бы судьбою народа, укрѣпившаго бы капитализмъ и толкавшаго бы массы на новыя и новыя боины во имя его процвѣтанія. Одержимый недугомъ классового сотрудничества, шовинизма и политицизма, онъ не замѣтилъ творческой работы массъ и поручалъ медвѣдю строить и охранять пчелиныя соты. Онъ отказался отъ „меньшинства“, съумѣвшаго уцѣлѣть въ ужасномъ морѣ крови и геройски держащаго развернутое знамя свободы, братства, любви. Онъ старался выставить Ллойдъ-Джорджа благодѣтелемъ челоуѣчества, насаждающимъ государственный капитализмъ подъ видомъ социализма сверху, забывая о его причастности къ наложенію штрафовъ на забастовавшихъ углекоповъ южнаго Уэльса. Идеалы анархизма, идеалы челоуѣчества, Кропоткинъ подмѣнилъ идеалами людей, живущихъ за счетъ крови и пота трудящихся. И отрекшись отъ анархизма, онъ не ошибся, назвавъ „товарищами“ Рябушинскаго и К^о.

Глубокій философъ, уважаемый всѣми революціонеръ, анархистъ Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ скончался. Съ глубокимъ сожалѣніемъ о выбывшемъ изъ нашихъ рядовъ товарищѣ, мы остаемся на нашемъ посту, подхватываемъ уроненное Кропоткинскимъ черное знамя анархіи и вступаемъ въ смертный бой съ нашими врагами съ гордымъ кличемъ: „Да здравствуетъ Анархизмъ-Коммунизмъ!“

Н. К. и М. Ч.

Изъ письма американскихъ анархистовъ къ уѣзжающимъ въ Россію русскимъ эмигрантамъ.

...Мы несказанно рады возможности передать Вашими устами наше братское привѣтствіе и сочувствіе россійскому пролетаріату.

Товарищи русскіе рабочіе!

Не вѣрьте ложному увѣренію Америки, что она де воюетъ „за демократію и свободу“. Вѣдь это одно сплошное лицемѣріе—наглый цинизмъ. Ибо какъ можетъ воевать за свободу она, Америка, торгашеской метлою заматавшая всякій слѣдъ свободы и гуманности; она казнившая нашихъ товарищей Парсона, Списа, Линга, Фишера и Ангеля въ 1886 г. въ Чикаго; она убійца Джо-Гилла, она огнемъ и мечемъ подавлявшая каждое выступленіе рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ чудовищемъ-капиталомъ; она, которая распинала бастующихъ въ Гомстедѣ, Керъ-Д'Аленѣ, на поляхъ Калифорніи, въ Петерсонѣ и Рузвельнѣ, Нью-Джерси, жгла женъ и дѣтей бастующихъ углекоповъ въ Лодло, Колорадо и разстрѣляла пулеметами бастующихъ рудокоповъ въ штатѣ Мичиганъ.

Можетъ-ли она, послѣ всѣхъ этихъ ея преступленій, воевать за свободу и гуманность?!

Товарищи уѣзжающіе! Вы довольно знакомы съ преступленіями, которыя совершаются изо-дня въ день кровавымъ американскимъ правительствомъ. Вамъ также хорошо извѣстны продажность прессы, гоненія и преслѣдованія, которымъ подвергается здѣсь всякій свободолюбивый человѣкъ и что все это совершается по повелѣнію величайшаго въ исторіи человѣческой деспота-американскаго Капитализма. Расскажите же все это народу російскому. *Вы должны рассказать ему всю правду о дѣйствительномъ положеніи вещей въ Америкѣ!* Вы возвращаетесь теперь въ Россію, въ страну относительной свободы; мы-же остаемся здѣсь въ лавинахъ бушующей вокругъ реакціи, такъ передайте-же братскій нашъ привѣтъ народу Россіи и скажите ему, что мы и впредь будемъ продолжать наше дѣло.

До послѣдняго дыханія будемъ бороться съ американской плутократіей и брато-убійственной войною. Мы и впредь будемъ проповѣдывать и прокламировать наши идеи, идеи интернаціональной солидарности труда и полнѣйшаго соціального и экономическаго освобожденія.

И вы, дорогіе товарищи, въ свою очередь приложите всѣ усилія къ достиженію и осуществленію великихъ идеаловъ Анархизма. Докажите дѣломъ, что Вы достойны возложенной на Васъ обязанности разрѣшенія этихъ трудныхъ и великихъ задачъ. Пусть Ваша работа поможетъ возрожденной Россіи въ ея борьбѣ за международный миръ, за общественную гармонію, за индивидуальную свободу, за всеобщее счастье и благополучіе!

Долой государство и войну!

Долой Капитализмъ!

Да здравствуетъ Соціальная Революція!

Да здравствуетъ Анархія!

Съ братскимъ привѣтомъ:

Эмма Гольдманъ.

Александръ Беркманъ.

Мимоходомъ.

(Изъ солдатской жизни).

Съ тѣхъ поръ, какъ народы безумно истребляютъ другъ друга, какъ во имя „справедливости“ и „культуры“ разрушается все созданное трудящимися богатство, какъ звѣрское насиліе обняло весь міръ въ безумныхъ крикахъ: „война до побѣды!“ — ясно и очень рельефно выдѣляется одно необыкновенно мрачное, душу раздражающее явленіе.

Идя по улицамъ большого города, чаще всего видишь людей, одѣтыхъ въ мундиры и сѣрыя ши-

нели. Ихъ разорванные сапоги и торчащая оттуда босья нога, ихъ заплатанные брюки, ихъ обросшія исхудалыя лица, ихъ потухающіе глаза съ завистью смотрящіе на окружающихъ въ штатской формѣ людей, — свидѣтельствуютъ о прелестяхъ ихъ солдатской жизни. Калѣки, съ крестами на груди и съ костылями въ рукахъ, шатаясь наполняютъ многолюдныя улицы. Протягивая руку за подаеніемъ, они съ болью въ груди однообразно повторяютъ: „подайте, ради Христа!..“

Ихъ жалкій и жалобный голосъ: „ради Христа!“ порождаетъ бурю въ человѣческой душѣ. И спрашиваешь себя: „гдѣ тотъ великій богъ, что жаждетъ любви и братства?“ Неужели справедливый и милостивый богъ можетъ равнодушно смотрѣть на всѣ ужасы братоубійственной войны? Неужели ему не слышны предсмертные стоны умирающихъ солдатъ? Неужели онъ не видитъ слезы и голодъ невинныхъ сиротъ и вдовъ? Неужели онъ не видитъ, что земля красна отъ пролитой человѣческой крови? Гдѣ же онъ, кроткій, добродушный, всевидящій, великій богъ? Его не видно и не слышно. Онъ проданъ буржуазіи и не видитъ своихъ бѣдныхъ людей, созданныхъ по его образу и подобию. Да онъ и не можетъ ихъ видѣть, потому что такого любящаго и доброжелательнаго бога нѣтъ. Есть богъ — капиталъ, есть богъ — хищное чудовище власть. И они уже обречены на смерть. И послѣ уничтоженія капитала и власти настанетъ царство братства и любви, гдѣ не будетъ ни горя, ни слезъ, ни преждевременныхъ безымянныхъ могилъ.

* * *

Больница, гдѣ лежатъ раненные солдаты. Ужасъ и зловѣщая тишина царитъ въ палатахъ, гдѣ лежатъ остатки бывшихъ людей. Возлѣ коекъ стоятъ деревянныя ноги и костыли. Какимъ-то мракомъ вѣетъ въ этомъ помѣщеніи.

Одинъ изъ раненныхъ солдатъ, совершенно безъ ногъ и съ потухшими глазами, протягиваетъ руку, чтобы достать свое единственное состояніе и утѣшеніе — гармошку. Полулежа, полусидя, плавно растягивая гармошку, онъ играетъ „Тоску о родинѣ“. Сердце невольно сжимается въ груди подъ эти звуки тоскующихъ о родинѣ. Солдаты прислушиваются съ большимъ вниманіемъ. Эти звуки напоминаютъ имъ объ ихъ прошлой жизни, о томъ, что когда-то и они были въ родномъ домѣ, среди своихъ близкихъ, родныхъ и знакомыхъ, обнимали своихъ женъ и дѣтей, были вполне здоровыми и трудоспособными и съ любовью занимались мирнымъ и честнымъ трудомъ. Картины прошлаго не даютъ имъ покою. Они мечутся по кровати, переворачиваются безпокойно съ боку на бокъ, а воспоминанія все больше, все подробнѣе и ярче... Гдѣ вы, молодость, силы, здоровье?..

Одинъ солдатъ только что проснулся. Ему снилось, что у него цѣлы обѣ ноги, что глазъ его не выбить, что его легкія не прострѣлены. Ему казалось, что онъ сейчасъ встанетъ, побѣжитъ, подальше отъ грохота пушекъ, подальше отъ еще горячихъ труповъ, подальше отъ своихъ братьевъ, въ смертныхъ судорогахъ валяющихся въ лужахъ крови. Онъ убѣжитъ далеко отъ грѣшной залитой кровью земли, заживетъ мирно и честно среди своихъ братьевъ. Но ощупавъ свое тѣло, онъ находитъ только одну, и ту больную, ногу, бездѣйствующую руку, кашель давить его грудь. „Поздно!, шепчуть его блѣдныя губы: я уже больше не человѣкъ! Я лишь остатокъ человѣка“!..

И такихъ остатковъ — десятки милліоновъ. И вмѣстѣ съ этими несчастными полуживыми остатками людей, я посылаю проклятье всему капиталистическому строю. Проклятье тѣмъ, въ чьихъ интересахъ ведется эта никому не нужная братоубійственная рѣзня!

Е. Г.

Рыцарь печальнаго образа.

Г. Рожицынъ, ученикъ Плеханова, вполне достойный своего учителя по чувству ненависти къ анархистамъ, ведетъ съ нами тяжелую неутомимую борьбу. И слушая его, никакъ не поймешь, зачѣмъ онъ тратитъ время и энергію на такую бесполезную работу: непрестанно онъ твердитъ, что анархисты никогда и нигдѣ не имѣли и не могутъ имѣть никакого значенія въ общественной жизни страны и что пропаганда ихъ нигдѣ и никогда не обращала на себя никакого вниманія. И только г. Рожицынъ, — забудемъ вмѣстѣ съ нимъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ мы подвергались съ незапамятныхъ временъ во всѣхъ уголкахъ земного шара со стороны правителей, буржуазіи, демократіи и социалистовъ, — и только г. Рожицынъ обращаетъ на насъ свое благосклонное вниманіе и безъ устали въ многочасовыхъ рѣчахъ своихъ мѣшаетъ анархистовъ съ грязью. Зачѣмъ, когда мы такъ ничтожны? И думается мнѣ, что хотя изъ его медовыхъ устъ и льются рѣчи о безсиліи и ничтожествѣ анархистовъ, его неблагородную душу все время гложетъ червь сомнѣнія, а вѣроятнѣе всего, тамъ онъ таитъ и убѣжденіе, что наше вліяніе на массы не столь уже ничтожно. Неблагородство души его бросается въ глаза при первомъ взглядѣ: онъ излагаетъ ученіе анархистовъ и ихъ тактику такъ, какъ ему это нравится, несколько не считаясь съ дѣйствительностью, и самымъ безсовѣстнымъ образомъ извращаетъ почти все, что имѣетъ отношеніе къ анархизму. Если такое изложеніе нашей теоріи и практики прости-

тельно какому нибудь невѣжественному жандармскому вахмистру, то отъ господина приватъ-доцента Рожицына мы вправѣ ждать большаго знакомства съ тѣмъ предметомъ, о которомъ онъ говоритъ, и если онъ такого знакомства не проявляетъ, то намъ не остается ничего другого, какъ заподозрить его въ злонамѣренно-нечестномъ отношеніи къ дѣлу.

Заявляя о томъ, что анархисты отрицаютъ всякую организацію, г. Рожицынъ потрясаетъ номеромъ пятымъ нашей газеты „Хлѣбъ и Воля“ и патетически восклицаетъ: „организаціонно-тактическіе вопросы у анархистовъ сводятся къ организаціи товарищей для производства эксовъ, такъ называемыхъ денежныхъ экспроприацій“! Бѣдному г. Рожицыну, такъ занятому изысканіемъ уничтожающихъ доводовъ противъ анархизма, некогда было прочесть то, на основаніи чего онъ старается строить свою критику. А если бы онъ прочелъ, то увидѣлъ бы, что въ этихъ самыхъ строкахъ, на которыхъ онъ основывается, какъ разъ говорится о томъ, что конференція рекомендуетъ товарищамъ къ экзамамъ не прибѣгать. А немного ниже говорится объ организаціи анархистовъ, немного выше — объ организаціи рабочихъ, крестьянъ и солдатъ. И чтобы послѣ этого заявлять, что анархисты отрицаютъ всякую организацію, надо имѣть не только большое приватъ-доцентское мужество, но еще и нѣкоторую дозу нечестности.

По утверженію г. Рожицына, анархисты стремятся вернуться къ средне-вѣковымъ коммунамъ, которыя — тайно отъ анархистовъ, но съ вѣдома г. Рожицына, — тосковали о сильной государственной власти. Допустимъ, что г. Рожицынъ плохо знакомъ съ исторіей (въ учебникѣ Иловайскаго, дѣйствительно, многое пропущено и извращено) и не знаетъ, что средне-вѣковыя коммуны все время боролись со всякаго рода властью и что онѣ погибли, когда государственная власть ихъ побѣдила. Но въ то время, когда мы говоримъ о будущемъ строѣ, какъ о царствѣ прогресса и безконечно-развивающейся техники, какъ объ эпохѣ самаго гармоническаго развитія человѣка, благодаря интеграціи труда, благодаря сочетанію земледѣльческой, промышленной и интеллектуальной дѣятельности, — приписывать анархистамъ желаніе возвратиться къ эпохѣ „равенства въ бѣдности“, — если не нелѣпо, то явно нечестно.

Совершенно невѣрно утверженіе лектора, что анархисты не выработали опредѣленнаго конкретнаго отношенія ни къ одному конкретному вопросу, что кромѣ туманно-теоретически-утопическихъ заявленій — у нихъ ничего нѣтъ. Слѣдовало бы г. лектору почитать немного объ анархизмѣ и поближе познакомиться съ анархистскимъ движеніемъ, поближе познакомиться съ нашей работой на фаб-

рикѣ, въ казармѣ и въ деревнѣ. О, да! по многимъ вопросамъ у насъ не достигнуто единогласнаго рѣшенія. Но вѣдь не во все нивелирующемъ однообразіи спасеніе! И хотя наше отношеніе къ различнымъ вопросамъ не однообразно, но оно не туманно-теоретическое, а опредѣленно-конкретное.

Не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и утвержденіе, что анархизмъ не признаетъ выборнаго принципа и что послѣдняя наша конференція, на которой были представители группъ и федерацій, построена была не на анархическихъ принципахъ. Правда, мы не признаемъ такого представительства, когда выбранный нами будетъ говорить и дѣйствовать такъ, какъ ему заблагоразсудится. Но мы требуемъ, чтобы выбранный нами товарищ исполнялъ наше желаніе,—и не болѣе. Чтобы нашъ представитель не могъ свое личное мнѣніе выдавать за мнѣніе его избирателей, какъ это дѣлается, между прочимъ, и у единомышленниковъ г. Рожицына. Твори волю пославшихъ тебя—и не болѣе!—вотъ каково у насъ выборное начало.

Мы оставимъ безъ отвѣта еще цѣлый рядъ нелѣпыхъ и ни на чемъ не основанныхъ изобрѣтеній и недомыслий приватъ-доцентской головы. Ибо крайне смѣшно было бы разяснить г. Рожицыну, въ чемъ состоитъ разница между войной империалистической и войной гражданской, и что мы, оставаясь послѣдовательными антимилитаристами, не только можемъ, но и обязаны принимать участіе въ гражданской войнѣ, въ соціальной революціи. Мы не щедринскіе караси-идеалисты и мы думаемъ, что не такъ страшно то, что люди убиваютъ одинъ другого, какъ то, что они убиваютъ другъ друга по принужденію, повинувшись злой волѣ своихъ правителей.

Совершенно излишне было бы опровергать мнѣніе г. Рожицына, что отсутствіе власти въ анархическомъ обществѣ поведетъ къ паденію производительности труда. Разъ ему неизвѣстна элементарная истина, что свободный трудъ производительнѣе труда изъ-подъ палки, разъ онъ не знакомъ съ постановкой дѣла во многихъ уже функционирующихъ теперъ свободныхъ обществахъ, часто международныхъ, гдѣ принципъ власти не существуетъ,—то намъ съ нимъ спорить объ этомъ не приходится.

И напрасно г. Рожицынъ заранѣе горько оплакиваетъ участь бѣднаго человечества, которому анархисты хотятъ преподнести безвластное общество и тѣмъ дезорганизовать міровую производительную жизнь. Исторія показываетъ, что чѣмъ власть крѣпче, тѣмъ дезорганизация больше, и что въ тѣ времена, когда гдѣ-либо власть временно ослабѣвала, общества людей жили болѣе счастливой жизнью, несмотря на кажущійся беспорядокъ и

дезорганизацию. Правда, на улицахъ вольныхъ родовъ гремѣло оружіе, но борьба велась за свободу личности, за добровольное соглашеніе, и города процвѣтали (насколько это возможно было при тогдашнемъ состояніи „производительныхъ силъ“, выражаясь Вашимъ языкомъ, г. Рожицынъ), пока обожаемая лекторомъ государственная власть не занялась принудительной ихъ организаціей по своему вкусу, въ своихъ рабовладѣльческихъ интересахъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ пекти сапожникъ... И если г. Рожицынъ смыслъ своей жизни видитъ въ борьбѣ съ анархизмомъ, то пусть онъ и борется съ нимъ, а не съ теоріей, которая является плодомъ его пылкой фантазіи. Ибо печальна участь Донъ-Кихота Ламанческаго, ломающего свой мечъ о крылья вѣтряныхъ мельницъ...

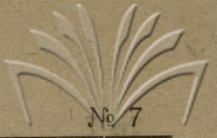
Рабочій Абрамъ.

Разбойное нападеніе на Сабурову дачу.

Жизнь младшаго персонала служащихъ на Сабуровой дачѣ крайне тяжела. За свой тяжелый 15-ти часовой трудъ, при крайне скверныхъ условіяхъ, ухаживая за заразными и умалишенными больными, постоянно рискуя своей жизнью, они получаютъ крохотное жалованье—всего 27 руб. въ мѣсяцъ. Квартіры ихъ напоминаютъ карцеръ каторжной тюрьмы. Сырые, безъ свѣта и воздуха подвалы отведены для служащихъ. Все увеличивающаяся дороговизна обуви и платья заставляетъ служащихъ отказаться отъ роскоши ходить въ цѣлыхъ ботинкахъ и незаплатанной одеждѣ. Жизнь суровая, рабская, невозможно безпросвѣтная.

Когда царила романовская династія Николая кроваваго, они таили въ душѣ своей злобу и негодование, боясь ихъ обнаружить. Но когда русская революція сбросила оковы, наложенныя на нихъ самодержавной шайкой, когда рабочая жизнь зашевелилась, то революціонная волна захватила и младшій персоналъ Сабуровой дачи. Невыносимая жизнь ихъ толкнула на борьбу со своимъ начальствомъ—высшимъ персоналомъ больницы. Равнодушное отношеніе начальства къ положенію служащихъ заставило ихъ въ числѣ 700 человекъ прибѣгнуть къ единственному имѣющемуся у нихъ оружію—стачкѣ и забастовкѣ. На митингахъ говорили о своей горькой долѣ, обсуждали вопросъ о стачкѣ и единогласно рѣшили смѣло и стойко бороться.

Объявить забастовку хотѣли 15 августа. Наканунѣ на митингѣ выступали члены С. Р. и С. Д. и анархисты федераціи г. Харькова. Члены совѣта пріѣхали съ цѣлью ликвидировать еще не начавшуюся забастовку и указывали на нелѣпость и невозможность бастовать въ то время, когда Росіи

переживаетъ столь тяжелую эпоху. Нашъ же товарищъ указалъ, что только непрерывной борьбой рабочіе могутъ добиться лучшей жизни и большей свободы. Указывая на нелѣпость и безцѣльность настоящей войны, онъ обратилъ вниманіе на колоссальныя затраты на истребленіе, разрушеніе и насилие. Касаясь положенія служащихъ, онъ указалъ на ихъ полнѣйшее право на жизнь и на борьбу за улучшеніе своего положенія. Было рѣшено отложить забастовку до 25 августа, но подъ тѣмъ условіемъ, что Совѣтъ Р. и С. Д. приметъ активное участіе въ дѣлѣ удовлетворенія требованій служащихъ. Послѣдніе, въ ожиданіи прибавки жалованія, мечтали о новыхъ ботинкахъ, которыми они могли бы прикрыть свои босые ноги. Но увь! ихъ мечта еще не осуществилась.

22-го августа въ 3 ч. ночи, на Сабурову дачу, является банда хулигановъ съ парой десятковъ черныхъ каретъ. Бандиты были одѣты въ форму милиціонеровъ, ихъ сопровождали драгуны. Вооруженные съ ногъ до головы, они набросились на сторожа, арестовали его и на его протесты раздали ругательства и угрозы: „Если ты повернешься,—голова твоя слетитъ!“ Сторожъ, дрожа отъ страха, отдалъ ключи милиціонерамъ.

Часть драгунъ окружила дачу, а остальные съ милиціей пошли разыскивать „взбунтовавшихся“ сидѣлокъ 6-й палаты.

Шумъ и топотъ лошадей взбудоражили всю больницу. Больные проснулись и отъ испуга не знали, что имъ дѣлать, а милиція, захвативъ телефонъ и лишивъ сидѣлокъ возможности вызвать помощь, арестовала ихъ и дежурныхъ, отвѣчая ругательствами и угрожая револьверами перепуганнымъ служащимъ, спрашивавшимъ о причинахъ ареста. Не менѣе перепуганные больные волновались, кричали, но милиція не позволяла арестованнымъ сидѣлкамъ даже дать напитокъ больнымъ, просившимъ стаканъ воды. Нападеніе на зарѣ, когда всѣ и все спало, носило характеръ черносотеннаго погрома. Между прочимъ, въ числѣ напавшихъ служащими были опознаны нѣкоторые члены администраціи, одѣтые въ форму милиціонеровъ.

Безоружныхъ женщинъ бросили послѣ ареста въ черныя кареты и хотѣли куда то увезти. Но суматоха въ ночное время привлекла вниманіе ночного кавалерійскаго патруля, подѣхавшаго къ воротамъ больницы. Сидѣлки обратились къ кавалеристамъ за помощью и защитой отъ бандитовъ. Храбрые милиціонеры при появленіи кавалеристовъ разбѣжались, кто куда могъ. Драгуны же оправдывались и настаивали на своей невинности. „Намъ ска-

зали—говорили они, что на Сабуровой дачѣ восстаніе, дали намъ по 30 патроновъ каждому и приказали ѣхать сюда“. Кавалеристы освободили бѣдныхъ испуганныхъ сидѣлокъ и драгуны уѣхали.

На утро вся больница взбудоражилась. Былъ созванъ митингъ, гдѣ было рѣшено немедленно забастовать и еще съ большей энергіей отстаивать свои права на лучшую жизнь. Дѣло о нападеніи было передано въ Совѣтъ Р. и С. Д. для обнаруженія милиціонеровъ и ихъ вдохновителей. Разслѣдуетъ ли и освѣтитъ ли совѣтъ это разбойное нападеніе, напоминающее собой доброе, старое время самодержавія, или же, какъ было въ это старое время, ликвидируетъ дѣло и спрячетъ его подъ сукно—покажетъ ближайшее будущее.

Г-нѣ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Временнаго Освѣдомительнаго Бюро анархистовъ Россіи.

„Временное Освѣдомительное Бюро“ анархистовъ Россіи, въ г. Харьковѣ, приступаетъ къ изданію слѣдующихъ брошюръ: 1) „Евангеліе Часа“—Поля Бергло и 2) М. Бакунина—„Политика Интернаціонала“,—и проситъ организаци и лицъ заблаговременно прислать заказы—съ точнымъ указаніемъ количества экземпляровъ—и задатокъ къ нимъ.

Всѣмъ организациямъ ставится въ извѣстность, что функціи „В. О. Б.“ Это—созывъ Всероссийскаго Анархическаго Съезда. Помимо того, роль „Бюро“ сводится къ удовлетворенію потребностей выдвинутыхъ запросами жизни: равномерное распределеніе идейныхъ работниковъ по Россіи—ораторовъ, лекторовъ, организаторовъ, литераторовъ и т. п., пользованіе ими наименее продуктивнымъ образомъ, постановка книгоиздательства—и сосредоточиваніе такового въ одномъ техническомъ, главномъ—что не исключаетъ издательствъ на мѣстахъ—центровъ, на что имѣется возможность. Такимъ образомъ сконцентрировавъ въ себѣ всѣ нити нуждъ периферійныхъ организаций, „Бюро“ сможетъ быть регуляторомъ—техническимъ, конечно—идейныхъ силъ Россіи и удовлетворить всѣ запросы поступающіе къ нему,—а потому заинтересованныхъ просимъ по указаннымъ нуждамъ обращаться не въ Харьковскую Федерацию, а во Временное Освѣдомительное Бюро и адресовать—если нѣтъ специальныхъ адресовъ—съ помѣткой: „для В. О. Б.“

Для личныхъ переговоровъ обращаться въ „Бюро“ по Садово-Куликовской ул. № 25. комната № 8, ежедневно отъ 4 до 6 часовъ вечера. Всѣхъ отъѣзжающихъ и прѣзжающихъ товарищей проситъ непременно переговорить съ секретаремъ Бюро.

В. О. Б.

—Увѣдомляемъ, что Ростовской Федерацией анархистовъ издана брошюра—„Чикагская драма;“ съ заказами обращаться непосредственно по слѣдующему адресу: Ростовъ на/Д. Ротонда Городскаго Сада, Бюро Ростово-Нахичеванской Группы.

—Въ Красногиргорьевкѣ, Екатеринос. губ. на рудникѣ „Пиролюзитъ“, образовалась группа анархистовъ-коммунистовъ.

В. О. Б.

Редакторъ—Редакціонная Группа.